

DOI: 10.31696/S086919080030828-7

ПОЧЕМУ ОБЫЧАЙ КЛАДБИЩЕНСКИХ ЖИЗНЕОПИСАНИЙ ВОЗНИК В ДРЕВНЕМ ЕГИПТЕ?¹

© 2024

А.Е. ДЕМИДЧИК^{a, b}^a – Санкт-Петербургский государственный университет, Санкт-Петербург, Россия;^b – Новосибирский национальный исследовательский государственный университет, Новосибирск, Россия

ORCID: 0000-0002-1660-8649; a.demidchik@spbu.ru

Scopus Author ID: 56677781100; ID WoS: ААН-5624-2021

Резюме: Кладбищенские жизнеописания – наиболее характерный жанр древнеегипетской письменности, развивавшийся со Старого царства вплоть до утверждения христианства. Статья отвечает на вопрос почему этот жанр впервые получил распространение именно в Древнем Египте. В религиях «пред-осевого времени» поминальный культ умершего обычно обеспечивали его родственники и лишь сравнительно недолгое время; после этого «персональная идентичность» покойника «растворялась» в поминании потомками всего их «сообщества усопших». Кладбищенские жизнеописания поэтому были излишни: ближайшие потомки обязаны совершать культ в общем независимо от заслуг и достоинств покойника – просто в силу обычаев родственной солидарности. А затем, обретя некое качественно иное состояние, «душа» усопшего уже не нуждалась в персональном культе, а значит, и в сохранении памяти о его жизни. Уникальной чертой древнеегипетской религии стала вера в возможность вечного существования и контакта с живущими одной из «душ» человека – его «двойника-ка», остававшегося «на земле» благодаря гробничной каменной архитектуре и скульптуре. Однако вечное благоденствие «двойника» было невозможно без сохранности кладбищенских памятников и непрерывного исполнения ему поминального культа, что родственники усопшего обеспечить не могли: персональный поминальный культ нецарственных особ редко длился в Египте дольше столетия, поэтому оставалось надеяться на почтение к покойному всего считавшегося вечным древнеегипетского социума. Побудить к этому могла лишь «добрая память» о социально полезных достоинствах и свершениях усопшего, передать которую далеким потомкам могли только кладбищенские жизнеописания. Таким образом, обретенная благодаря каменным памятникам надежда на вечное пребывание «двойника» среди людей заставила египтян высказываться о взаимоотношениях не только с родственниками и сослуживцами, но со всем человечеством (в его древнеегипетском понимании), тем самым породив древнейший в мировой письменности многолюдный дискурс о нравственности и социальности.

Ключевые слова: Древний Египет, поминовение предков, поминальный культ, «двойник», каменный памятник, кладбищенские жизнеописания

¹ Исследование выполнено за счет гранта Российского научного фонда № 23-28-00155 «Культура взаимопомощи в цивилизации Древнего Египта (III – первая половина II тысячелетия до н.э.)», <https://rscf.ru/project/23-28-00155/>

The research was carried out at the expense of the grant from the Russian Science Foundation no. 23-28-00155 “The culture of mutual assistance in the civilization of Ancient Egypt (3rd – first half of the 2nd millennium BC)”, <https://rscf.ru/project/23-28-00155/>

Для цитирования: Демидчик А.Е. Почему обычай кладбищенских жизнеописаний возник в Древнем Египте? *Восток (Oriens)*. 2024. № 4. С. 16–25. DOI: 10.31696/S086919080030828-7

WHY DID ANCIENT EGYPT BECOME THE BIRTHPLACE OF TOMB BIOGRAPHY?

© 2024

Arkadiy E. DEMIDCHIK ^{a, b}

^a – Saint Petersburg State University, Saint Petersburg, Russia;

^b – Novosibirsk National Research State University, Novosibirsk, Russia.

ORCID: 0000-0002-1660-8649; a.demidchik@spbu.ru

Scopus Author ID: 56677781100; ID WoS: AAH-5624-2021

Abstract: *The article investigates why Ancient Egypt was the place where the genre of tomb biography had first become widespread. In the “pre-axial” religions, the mortuary cult was usually observed by the deceased’s relatives and only for a relatively short time; then his “personal identity” was in a way “dissolved” in his distant descendants’ commemoration of their entire “community of the dead.” Thus, there was no need to perpetuate any detailed memory of the deceased and, hence, no need in his tomb biography. A unique feature of the Egyptian religion was the belief in the possibility of eternal “individualized” existence of one of a person’s “souls” – his “Double (ka)”, who continued to stay “on earth” thanks to tombstone architecture and sculpture. However, the Double’s prosperity also depended on the everlasting preservation of the deceased’s memorials and performance of the mortuary cult which their relatives were not able to guarantee: personal cults of non-royals rarely lasted for more than a century. One could therefore only hope for reverence for the deceased from the entire Egyptian society, as the latter was considered eternal. This could only be prompted by the “good memory” of the deceased, which only tomb biographies could pass on to distant descendants. Thus, the hope for the eternal “individual” survival of the Double, obtained due to stone monuments, forced the Egyptians to speak out about their relationships with the entire mankind (in its Egyptian understanding), thereby giving rise to the world’s oldest written discourse on morality and sociality with a great many participants.*

Keywords: Ancient Egypt, commemoration of ancestors, mortuary cult, “Double”, stone memorial, tomb biography

For citation: Demidchik A.E. Why did Ancient Egypt become the Birthplace of Tomb Biography? *Vostok (Oriens)*. 2024. No. 4. Pp. 16–25. DOI: 10.31696/S086919080030828-7

He who knows one [religion], knows none
[Müller, 1873, p. 16]

При всем несомненном своеобразии духовной культуры Древнего Египта, исследователи редко задаются вопросом, почему та или иная ее уникальная черта сложилась и ярко проявилась именно на берегах Нила, отсутствуя или будучи выраженной гораздо слабее в других древних обществах. К сожалению, так обстоит дело и с кладбищенскими жизнеописаниями – «характернейшим» [Assmann, 2003, S. 178] и «центральной» [*Ancient Egyptian Biographies*, 2020, p. 1] жанром древнеегипетской письменности, развивавшемся дольше двух с половиной тысячелетий, со Старого царства и до прихода христианства.

Египтологии с самого начала было понятно, что таковые создавались для обоснования морального права покойника на заботу потомков о его загробном бессмертии: на почтительное обращение с его кладбищенскими памятниками, исполнение для него хотя бы простейших культовых действий и т.п. Однако в несчетных исследованиях жизнеописаний, включая новейшие пространные коллективные монографии [*Living Forever*, 2019; *Ancient Egyptian Biographies*, 2020], даже не поставлен вопрос, почему данная традиция возникла и столь ярко развивалась именно в стране фараонов, а не в других обществах ранней древности. Если, скажем, в Восточном Средиземноморье и Месопотамии автобиографические надписи обычно создавались только для правителей и потому немногочисленны, в Египте сохранились тысячи жизнеописаний чиновников, жрецов, военных и даже ремесленников. Эта цивилизация оставила нам больше жизнеописаний, чем любая другая культура древности и средневековья, причем только на берегах Нила они возникли и долгое время существовали как жанр сугубо кладбищенский.

Почему же при наличии во всех культурах ранней древности мечты о достижении бессмертия только у египтян возник для этого широко распространенный обычай кладбищенских жизнеописаний? Попробуем ответить на этот вопрос в предлагаемой статье.

О ПРОДОЛЖИТЕЛЬНОСТИ ПЕРСОНАЛЬНЫХ ПОМИНАЛЬНЫХ КУЛЬТОВ В РЕЛИГИЯХ «ПРЕД-ОСЕВОГО ВРЕМЕНИ»²

В религиях со слабо разработанными представлениями о неперенном загробном воздаянии, исходящем от высших сил, благополучие умершего обычно связывалось с поминальным культом, совершаемым ему потомками. В ряде религий даже при наличии идеи воздаяния «свыше» одна из составляющих индивидуальности покойника (его «душ») считается способной контактировать с живущими для получения от них поминальных ритуалов. Но как долго исполняются обеспечивающие это *персональные* поминальные культы?

Если не брать в расчет случаи исключительные – вождей, легендарных героев и предков – в эпоху поздней первобытности память о рядовых «конкретных людях» сохраняется, как правило, в пределах их кровно-родственной группы и только на протяжении «трех-четырех поколений» [*История первобытного общества*, 1988, с. 419–420]. Очевидно, что в этих же пределах обычно существует и *персональный* поминальный культ (ср. [Жамбалова, 2000, с. 268]). В дальнейшем индивидуальность умершего изглаживается из памяти потомков, и он остается адресатом ритуалов лишь как один из множества безымянных «предков» или сливается с ними в некое единое целое.

Даже в современном синтоизме³ с его почти неограниченными возможностями письменной, визуальной и т.п. фиксации памяти об индивиде поминальный культ обычно продолжается лишь пока живы родственники, лично знавшие усопшего. Как отмечает А.А. Накорчевский, «по прошествии 33 лет (некоторые называют цифру 55) душа полностью успокаивается и становится *ками*, сливаясь в единое целое с душами предков... Дети умершего тоже уже готовятся отправиться в мир иной, да и почти все, знавшие умершего при жизни лично, тоже последовали за ним. Память об усопшем стирается, его душа *тама* как бы утрачивает свою индивидуальность, переходя в разряд лишенных своих собственных имен *ками*, которым «несть числа» [Накорчевский, 2000, с. 123–124]. «В соответствии с нынешними представлениями, – пишет Л.М. Ермакова, – предок не навсегда остается в семье в виде таблички с посмертным именем и объекта почитания, считается,

² О понятии «доосевого» или «пред-осевого» времени см., например: [*История Востока*, 1997, с. 578–587; Накорчевский, 2000, с. 14–31].

³ О синтоизме как «пред-осевой» религии см.: [Накорчевский, 2000, с. 14–31].

что после того, как сменяются два поколения, память о покойном утрачивается... и в таком случае глава дома или сжигает табличку, или бросает в море, или имя соскабливается с нее, или же она передается в буддийский храм», после чего «специальные почести» покойному уже не воздаются [Ермакова, 2002, с. 58].

В традиционном Китае персональный поминальный культ обычно продолжался не дольше пяти поколений [Сидихменов, 1987, с. 117]. В начале XX в. «таблички предков» хранились в доме при жизни трех поколений, а затем их либо сжигали, либо уносили из дома в родовое святилище, присоединяя к множеству табличек других предков [Addison, 1924, p. 496]. В Корее «оставшиеся на земле потомки умершего в реальной жизни имеют дело только с двумя видами «посмертной души» – *пэж* и *кви*. Для *пэж* в течение трех лет совершаются церемонии на могилах, для *кви* в течение четырех поколений – церемонии кормления *чеса*... Правильное совершение церемоний для этих двух видов духа делает их удовлетворенными, и в конечном итоге они «рассеиваются», то есть как бы «мирно самоликвидируются» [Курбанов, 2007, p. 32–33].

В начале XX в. африканский народ джагга различал среди своих мертвых три категории: «1) недавно умершие... – они и являются предметом наиболее усердного культа, ибо о них хорошо помнят; 2) умершие прежде, которые как бы отгеснены на второй план и не получают жертв...; 3) давно умершие..., о которых совсем забыли, и культ их прекратился» [Токарев, 1990, p. 260]. При этом, по наблюдению Дж.С. Мбити, представители африканских народов обычно не помнят больше пяти поколений предков [Mbiti, 1990, p. 83].

Похожую картину можно наблюдать и в «пред-осевых» религиях ранней древности. В классической Греции персональный поминальный культ афинянина поддерживался «его детьми, редко внуками и только в исключительных случаях – его правнуками» [Garland, 1985, p. 106–107]. На примере коллективной могилы под городским жилищем в северном Израиле (Тель Мегиддо, Tomb 10/K/100) М.С. Крадик показала, что в середине 2-го тыс. до н.э. умершие там довольно скоро становились для родственников и потомков «не целостными, телесными личностями с индивидуальным именем и биографией», а «бестелесными, безмянными предками с общей судьбой»; при этом «персональная идентичность индивида, первоначально почитавшегося именно в этом качестве, постепенно растворялась в общем поминовении родовых предков» [Cradic, 2017, p. 221; ср. Scurlock, 1995, p. 1884]. В древней Месопотамии, по словам Дж. Скарлок, «у простых людей индивидуальностью обладали только покойники, лично известные потомкам – т.е. их отцы и матери, братья и сестры, деды и бабушки; более далекие родственники, вероятно, превращались в нечто вроде общего предка» [Scurlock, 1995, p. 1888–1889, 1892; Toorn, 2014, p. 84].

Таким образом, в перечисленных и множестве других религий о персональном поминальном культе умершего обычно заботились его родственники и лишь относительно недолгое время, после чего «персональная идентичность индивида» растворялась для потомков в поминовении всего их «сообщества усопших» [Fowler, 2013, p. 521]. В этих обстоятельствах сколько-нибудь пространное кладбищенское жизнеописание обычно было излишним: ближайшие потомки, лично знавшие покойного, должны были совершать ему поминальный культ, в общем, независимо от его заслуг и достоинств – просто по обычаям родственной солидарности. А в дальнейшем контактировавшая с живущими индивидуальная «душа» усопшего считалась обретшей некое качественно иное состояние, обычно уже не нуждавшееся в персональном культе.

Похожие воззрения, вероятно, бытовали и в низах древнеегипетского общества, не имевших надежды обзавестись собственным каменным кладбищенским памятником [Baines, Lacovara, 2002, p. 16, 21, 27; Harrington, 2012, p. 31]⁴. Но письменных свидетельств их

⁴ И даже «души»-*б3w* фараонов считались после смерти «соединившимися», «слившимися воедино» с

заупокойных верований почти не сохранилось, и сколько-нибудь подробно восстановить таковые пока невозможно.

КЛАДБИЩЕНСКОЕ ЖИЗНЕОПИСАНИЕ – НЕОБХОДИМОЕ УСЛОВИЕ ВЕЧНОГО ПЕРСОНАЛЬНОГО КУЛЬТА «ДВОЙНИКА»

Вместе с тем уникальной чертой древнеегипетской религии стала вера в возможность *вечно* «индивидуального» существования одной из «душ» человека – его «двойника» (*k3*). Вечно «выходить» к «живущим на земле» «двойнику» позволяли каменная гробничная архитектура и скульптура. Уже в правление I и II династий появляются кладбищенские стелы с именем и изображением усопшего, а со времени IV и V династий высокопоставленные чиновники обычно становились обладателями персональных каменных гробниц. Изображения и надписи на камне, на тысячелетия сохранявшие память о покойном, по египетским представлениям, служили вечной «дверью» для выхождения его «двойника» к отправляющим его поминальный культ потомкам [Большаков, 2001; Demidchik, 2015]. О каменной усыпальнице говорилось как о «вечной гробнице» и «вечном доме»⁵.

В силу ряда особенностей общественного строя древнеегипетской цивилизации⁶ эти кладбищенские каменные объекты могли изготавливаться в неимоверных, по меркам древности, количествах. Как писал Я. Ассманн, «ни одна другая культура в мире не вложила столько сил в изображения и постройки, предназначенные не для пользования живущих, а для вечности. Эта деятельность приняла промышленный и военный размах: постоянная армия ремесленников регулярно пополнялась...; начиная со времен Имхотепа и заканчивая римскими императорами весь Египет являлся огромной стройплощадкой» [Assmann, 2001, S. 140]. По оценке того же Ассмана, в правление V династии «производство не-царской скульптуры возрастает примерно на пять, а то и десять тысяч процентов. Являвшееся прежде высокой привилегией, доступной только членам царской семьи, теперь становится доступным всему высшему классу. И это расширение производства уже само по себе ведет к складыванию обычая» [Assmann, 1996, p. 65].

В результате, уже во второй половине Старого царства множество высших представителей господствующего класса рассчитывало на вечное *индивидуальное* бессмертие, и «в разительном противоречии со взглядами соседних цивилизаций (Месопотамии, Израиля, Греции)» верило «в посмертное существование не в качестве безымянной тени, но при полном сохранении личной идентичности, как таковая сложилась при жизни индивида» [Assmann, 1996, p. 80]. Стремление к обретению этого было тем сильнее, что в древнеегипетской бюрократической государственности с возможностями персональной, личной карьеры индивид мог полнее осознать свою неповторимость, «самость» (дарования, удачливость и т.п.)⁷. Представления же о «коллективном» Царстве мертвых, куда попали их «души»-*b3w*, при V–VI династиях значительной роли еще не играли – «красочный, понятный, чувственный мир-Двойник совершенно заслонял» их [Большаков, 2001, с. 123, 230]. И даже для «души»-*b3* египтяне Старого царства стремились сохранить свою внешнюю «самость»⁸.

Солнцем – верховным богом и «отцом» всех царей; см.: [Berlev, 1981, p. 363, 373, nt. 12]. За редкими исключениями фараоны не имели и кладбищенских жизнеописаний.

⁵ Досл. «гробница вечности», «дом вечности» [Hannig, 2003, S. 216, 457].

⁶ Необычайно развитые механизмы государственного принуждения к труду; высочайшая степень профессиональной специализации ремесленников и т.д.

⁷ А.Х. Гардинер характеризовал египтян как “intensely individualistic” [Gardiner, 1935, p. 16, 40, nt. 35]. Я. Ассманн отмечал «огромные индивидуализирующие силы» египетской культуры, «которых в такой форме не было ни в Месопотамии, ни в Израиле, ни в Греции» [Assmann, 2003, S. 159].

⁸ О том, что целью «бальзамирования» в Старом царстве было увековечивание внешнего облика данного че-

Однако для того, чтобы увековеченный в камне «двойник» благоденствовал во веки веков, необходимо было защитить памятники от вандализма последующих поколений и обеспечить вечное удовлетворение его жизненных нужд – в еде, питье и т.д. Но добиться этого было сложнее, чем возвести даже самую роскошную гробницу: ведь сколько бы припасов не поместили в погребение вместе с покойным, для «вечности» их недостаточно. Еще при III династии у египтян вышло из обычая складирование в наземных помещениях мастаб «натуральных» провианта и предметов, будто бы потребляемых покойником при «жизни» в гробнице как в его новом доме. Вместо этого важнейшими помещениями постепенно становятся часовни для поминальных ритуалов, иногда дополненные хранилищами необходимой для этого утвари и провизии. Беда состояла, однако, в том, что – как и в других культурах ранней древности, – исполнение ритуалов должны были обеспечить родственники, но такая их забота не могла длиться вечно.

В бюрократической монархии Старого царства важнейшими для столичной элиты становились связи служебные, значимость же родственных уз уменьшалась: в изобразительности и надписях фигурирует малая или «нуклеарная» семья, но не сообщества вроде линиджа, клана, рода и т.п. [Assmann 2005, p. 27; Bierbrier, 2020, p. 809–810]. «Из народа, связанного сетью родственных групп, египтяне превратились в «народ государственный (ein “Staatsvolk”))», – писал об этом Д. Франке [Franke, 1983, S. 350]. Соответственно, и память о родственниках была не столь уж долгой и обязывающей. Тщательно перечисляя в гробничных надписях свои титулы, вельможи той поры лишь изредка называли в кладбищенских жизнеописаниях своих ближайших предков⁹ – главным образом, когда требовалось обосновать наследственное право на высокий пост и имущество.

Если в других древних культурах и, возможно, в низах египетского общества приготовление погребения, как правило, было обязанностью родни покойника, то вельможи Старого царства старались еще при жизни построить и декорировать свои гробницы, запасти дорогостоящие похоронные принадлежности. Древнеегипетские «поучения», в остальном обычно предостерегавшие от жадности и крайностей эгоизма, настоятельно советуют такую дорогостоящую предусмотрительность [Helck, 1984, S. 6–7; Quack, 1995, S. 97, Anm. 97; Assmann, 2005, S. 13, 419 (27)].

Выходит, не было у египетского вельможи большой уверенности в том, что родные готовы на любые расходы ради его достойного погребения¹⁰. Археологические материалы показывают, что, если отец умирал, не построив свою гробницу, сыновья обычно скупались на выполнение его прижизненного замысла в полном объеме. На знаменитом «каменно-блочном» кладбище Гизы к масштабе уже скончавшегося владельца было принято достраивать часовню не каменную, как он при жизни того хотел, а из дешевого недолговечного сырцового кирпича. «После того как владелец был погребен, строительная деятельность прекращалась или была сведена к минимуму», – полагает в этой связи П. Яноши

лювека см. [Assmann, 2005, p. 105–106]. Допустимо предположить, что перенятое у вельмож низшими слоями общества стремление к посмертному сохранению своей индивидуальности при невозможности, однако, иметь собственные каменные кладбищенские памятники способствовало необычно раннему – к началу 2-го тыс. до н.э. – развитию в Египте идеи всеобщего загробного суда, дарующего бессмертие умершему даже без богатого погребения [Baines, Lacovara, 2002, p. 16].

⁹ [Шэхаб Эль-Дин, 1993, с. 162–170; Кокина, 2014, с. 43–45, 52–53, 95–96]. Охватывающие до 4–6 поколений генеалогии жрецов, выписанные на скалах в Вади Хилляль, уникальны для Старого царства [Vandekerckhove, Müller-Wollermann, 2001, S. 41, 46–47, 54–55, 167, 176–177, 183–185, 246–247, N 6, N 8, N 9, N 28, O 46, O 64, O 74, O 242]. Но они – отражение культуры не столицы, а далекой провинции; к тому же именно в жреческой среде был особенно значим обычай наследования должностей. В гробницах столичной знати изображения и письменные упоминания родителей отца и матери погребенных крайне редки [Кокина, 2014, с. 101].

¹⁰ Это наглядно подтверждается и археологическими данными, свидетельствующими о рациональности древнеегипетского погребального обряда и поминального культа, о чем см.: [Malykh, 2018; Малых, 2022].

[János, 1999, p. 30]. Поразительную скупость по отношению к недостроенным пирамидам предшественников проявляли даже божественные монархи: «когда царь был погребен, достраивались части пирамидного комплекса, необходимые для царского поминального культа и посмертного существования (часто из худших материалов – дерева, сырцового кирпича), меж тем как остальное бросалось не законченным. От Старого царства неизвестно ни одной пирамиды, которая была бы завершена наследником правителя так, как она была первоначально задумана» [János, 1999, p. 37, nt. 15]. О зыбкости исполнявшегося родней поминального культа свидетельствуют и «письма мертвым»: дети намекают покойным родителям, что, если последние не откликнутся на их просьбу, то останутся без жертвоприношений [Демидчик, Хапова, 2023].

Естественно, что персональный поминальный культ владельцев кладбищенских памятников не был долговечен: одно – два¹¹, крайне редко три – четыре поколения; как правило, не дольше века [Gardiner, 1935, p. 9; Shirai, 2006, p. 332–333]. И для преодоления этого ужасающего разрыва между «вечностью» «двойника» и сравнительной кратковременностью исполняемого ему родней культа в древнеегипетской культуре было найдено несколько уникальных решений.

Всего раньше мы видим на кладбищенских памятниках надписи с «жертвенной формулой (*hṯp di n(y)-swt*)», а также изображения и списки необходимых «двойнику» даров. «Формула» объявляла подношению умершему исходящими не от каких-либо людей, а от царя и богов – Анубиса, Осириса, и т.д. И, в отличие от богов, цари в ней никогда не назывались по именам, ибо правление любого конкретного государя конечно. Дары считались исходящими от вечной институции царской власти – от любого царя всех будущих времени. Размещались «формулы» так, чтобы их мог читать сам «двойник» хозяина гробницы, тем самым вечно совершающий для себя жертвоприношение [Большаков, 2001, с. 85]. А набор запечатленных на стенах гробниц даров усопшему постепенно разросся до картин большого хозяйства с сельскохозяйственными угодьями, скотом и множеством работников, где будто бы вечно производится пища и утварь для владельца гробницы; иногда показаны и поминальные службы. Египтяне верили, будто «двойники» всего изображенного будут вечно служить «двойнику» владельца памятника [Большаков, 2001].

Беда состояла, однако, в том, что, если живущие переставали деятельно заботиться о гробнице, она могла быть утрачена – осквернение, грабеж и разрушение кладбищенских памятников были широко распространены. По наблюдению Е.А. Кокиной, «достаточно было нескольких десятилетий, чтобы пропадало всякое уважение к владельцам гробниц и их «домам вечности» [Кокина, 2013, с. 82], так что «во второй половине Древнего царства узурпация отдельных частей гробничного оформления в качестве строительного материала стала массовым явлением, особенно в столичных некрополях»¹². А с гибелью кладбищенского памятника исчезала и надежда на вечное благополучие явленного в нем «двойника».

Другим уникальным для ранней древности древнеегипетским институтом стали заключающиеся вельможей еще при его жизни договоры, юридически обязывающие контрагентов и их потомков «вечно» исполнять его персональный поминальный культ – быть его «слугами двойника (*hm-k3*)», получив за это в вечное пользование часть хозяйства нанимателя [Sánchez Casado, 2022]. Однако скоро стало очевидным, что даже такие контракты не гарантируют нескончаемого существования памятников и культового служения. Гибель кладбищенских памятников и культов, покинутых жрецами, многократно оплаканы в древнеегипетской литературе¹³.

¹¹ С указанием литературы [Кокина, 2013, с. 78, прим. 36; 2014, с. 160].

¹² [Кокина, 2014, с. 167]. См. также: [Baines, Lacovara, 2002, p. 18, 25–26; Harrington, 2012, p. 133–137].

¹³ Например, P. Berlin 3024, 56–67; P. Harris 500 (British Museum EA 10060), recto VI, 4–9; P. Chester-Beatty IV (British Museum EA 10684), verso II, 11–12.

В результате пришло осознание, что добиться вечного благоденствия «двойника» можно, лишь обеспечив ему благосклонность всего местного населения и шире – всего древнеегипетского социума, которые, как считалось, пребудут вовеки. Эту задачу и решали новые разновидности надписей, обращенные к посетителям кладбища: тексты, доказывающие правомерность и добросовестность обретения памятника; призывы оберегать его и совершать простейшие культовые действия; наконец, сравнительно пространные жизнеописания. Последние, рассказывая о социально полезных достоинствах и поступках покойного¹⁴, тем самым обосновывали его моральное право на уважение и заботу со стороны всех египтян во всех поколениях.

Обретя возможность обессмертить своего «двойника» в мире людей на срок гораздо более долгий, нежели соблюдаются обычаи родственной солидарности или юридические обязательства, приходилось уповать на *всеобщую* благожелательность к покойному, зиждущуюся на доброй «памяти (*sh3*)» о нем всех «живущих на земле» [Osing et al., 1982, S. 26–28, Taf. 4, 58]. Считалось, что имя хорошего человека после его похорон «не изглаживается на земле, (ибо) его вспоминают за добро» [Parkinson, 1991, p. 43–44]. Расхожая мудрость учила, что «имя мужа (вариант: имя доблестного) – в его свершениях¹⁵, не исчезая в этой земле навеки». «(Лучший) памятник человеку – его доброта (*nfrw*)», – гласила другая поговорка [Posener, 1976, p. 46, 131, § 13.3]. Такой «памятник нерушим вовек», и потому известный всем «добрый нрав человека» полезнее ему, чем каменная пирамида¹⁶. И даже пирамиду следует «украсить... праведностью и совершением *маат*», чтобы на это благочестиво «опирались сердца» потомков¹⁷. Таким образом, обретя возможность при помощи камня сохранить «на земле» своих «двойников», для поддержания их персональных культов египетские вельможи должны были присовокупить к этому рассказы о своей полезности обществу – своего рода «заявки» на нескончаемую добрую память, «памятники нерукотворные», запечатленные кладбищенскими жизнеописаниями.

Египтологи первой половины XX в. нередко высказывали мнение, будто озабоченность египтян Старого царства «материальным» обеспечением культа, т.е. устройством и оснащением гробницы, мешала развитию их нравственного чувства, осознанию «моральной ответственности после смерти» [Breasted, 1933, p. 249; Gardiner, 1935, p. 33–34]. Но в действительности дело обстояло прямо наоборот. Именно обретенная благодаря каменным памятникам надежда на вечное пребывание «двойника» среди людей заставила египтян раздумывать о взаимоотношениях не только с родственниками и сослуживцами, но со всем человечеством (в его древнеегипетском понимании), тем самым породив первый в мировой письменности сравнительно массовый дискурс о нравственности и социальности.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ / REFERENCES

Берлев О.Д. *Общественные отношения в Египте эпохи Среднего царства*. М.: Наука, 1978 [Berlev O.D. *Social Relations in Ancient Egypt of the Middle Kingdom Era*. Moscow: Nauka, 1978 (in Russian)].

Большаков А.О. *Человек и его Двойник*. СПб.: Алетейя, 2001 [Bolshakov A.O. *A Person and Their Double*. Saint Petersburg: Aleteiia, 2001 (in Russian)].

¹⁴ Для правильного понимания жизнеописаний времени Старого царства нужно помнить, что египетская государственность персонифицировалась царем.

¹⁵ Дословно: в сделанном им.

¹⁶ Стела University College (London) 14333; [Берлев, 1978, с. 61–62, 96–100].

¹⁷ Папирус Государственного Эрмитажа № 1116 А, verso 127–128.

Демидчик А.Е., Хапрова А.В. «Я твой товарищ на земле, сражайся за меня!»: принцип взаимности в древнеегипетских «письмах мертвым» конца III – начала II тысячелетия до н.э. *Вестник НГУ. Серия: История, филология*. 2024. Т. 23. № 1: История. С. 9–18 [Demidchik A.E., Khaprova A.V. “I Am Your Companion on Earth, Fight for Me!”: Mutuality in Ancient Egyptian Letters to the Dead in the End of 3rd – the Beginning of 2nd Millennium BC. *Vestnik NSU. Series: History and Philology*. 2024. Vol. 23. No. 1: History. Pp. 9–18 (in Russian)].

Ермакова Л.М. Почитание предков в японской культуре. *Синто – путь японских богов*. Т. 1. СПб.: Гиперон, 2002. С. 43–59 [Ermakova L.M. Ancestor Worship in Japanese Culture. *Shinto – the Way of the Japanese Gods*. Vol. 1. Saint Petersburg: Giperon, 2002. Pp. 43–59 (in Russian)].

Жамбалова С.Г. *Профанный и сакральный миры ольхонских бурят (XIX–XX вв.)*. Новосибирск: Наука, 2000 [Zhambalova S.G. *The Profane and Sacred Worlds of the Olkhon Buryats (19th–20th centuries)*. Novosibirsk: Nauka, 2000 (in Russian)].

История Востока. Т. 1. *Восток в древности*. М.: Восточная литература, 1997 [History of the Orient. Vol. 1. *The Orient in Ancient Times*. Moscow: Vostochnaya literatura, 1997 (in Russian)].

История первобытного общества. Эпоха классовообразования. М.: Наука, 1988 [History of the Primitive Society. *The Era of Class Formation*. Moscow: Nauka, 1988 (in Russian)].

Кокина Е.А. Несколько замечаний по поводу узурпации вельможеских гробниц Старого царства. *Петербургские египтологические чтения 2011–2012*. СПб.: Изд-во Государственного Эрмитажа, 2013. С. 75–86 [Kokina E.A. Some Observations on Usurpation of Noblemen’s Tombs of the Old Kingdom. *St. Petersburg Egyptological Readings 2011–2012*. Saint Petersburg: The State Hermitage Publishing House, 2013. Pp. 75–86 (in Russian)].

Кокина Е.А. *Правовые аспекты владения вельможескими гробницами в Египте эпохи Древнего царства*. Дисс. канд. ист. наук. М.: МГУ, 2014 [Kokina E.A. *Legal Aspects of the Ownership of Noblemen’s Tombs in the Old Kingdom of Egypt*. PhD Thesis. Moscow: MSU, 2014 (in Russian)].

Курбанов С.О. *Конфуцианский классический «Канон сыновней почительности» в корейской трактовке*. СПб: СПбГУ, 2007 [Kurbanov S.O. *The Confucian “Classic of Filial Piety” in the Korean Interpretation*. Saint Petersburg: SPbGU, 2007 (in Russian)].

Малых С.Е. Десятки, сотни, тысячи: к вопросу о рациональности древнеегипетского погребального обряда и поминального культа. *Stratum Plus*. 2022. № 2. С. 33–46 [Malykh S.E. Tens, Hundreds, Thousands: On the Question of the Rationality of the Ancient Egyptian Burial Rites and Funerary Cult. *Stratum Plus*. 2022. No. 2. Pp. 33–46 (in Russian)].

Накорчевский А.А. *Синто*. СПб.: Петербургское востоковедение, 2000 [Nakorchevskiy A.A. *Shinto*. Saint Petersburg: Peterburgskoe vostokovedenie, 2000 (in Russian)].

Сидихменов В.Я. *Китай: страницы прошлого*. 3-е изд. М.: Наука, 1987 [Sidikhmenov V.Y. *China: Pages of the Past*. 3rd ed. Moscow: Nauka, 1987 (in Russian)].

Токарев С.А. *Ранние формы религии*. М.: Политиздат, 1990 [Tokarev S.A. *The Early Forms of Religion*. Moscow: Politizdat, 1990 (in Russian)].

Шэхаб Эль-Дин Т.М. *Автобиография в Древнем Египте в эпоху IV–VIII династий*. Дисс. ... канд. ист. наук. СПб.: ИВ РАН, 1993 [Shehab el-Din T.M. *Autobiography in Ancient Egypt of the 4th – 8th Dynasties*. PhD Thesis. Saint Petersburg: IOS RAS, 1993 (in Russian)].

Addison J.T. The Modern Chinese Cult of Ancestors. *The Journal of Religion*. 1924. Vol. 4. Pp. 492–503. *Ancient Egyptian Biographies: Contexts, Forms, Functions*. J. Stauder-Porchet, E. Frood, A. Stauder (eds.) Atlanta: Lockwood, 2020.

Assmann J. Preservation and Presentation of Self in Ancient Egyptian Portraiture. *Studies in Honor of William Kelly Simpson*. Vol. I. Boston: Museum of Fine Arts, 1996. Pp. 55–81.

Assmann J. Erinnerung und Identität – der ägyptische Weg. *Geschichts- Erzählung und Geschichtskultur: zwei geschichtsdidaktische Leitbegriffe in der Diskussion*. Hrsg.: U. Baumgärtner, W. Schreiber. München: Utzverlag, 2001. S. 137–157.

Assmann J. *Stein und Zeit*. 3. Auflage. München: Wilhelm Fink, 2003.

Assmann J. *Death and Salvation in Ancient Egypt*. Ithaca, London: Cornell University Press, 2005.

Baines J., Lacovara P. Burial and the Dead in Ancient Egyptian Society: Respect, Formalism, Neglect. *Journal of Social Archaeology*. 2002. Vol. 2. Pp. 5–36.

Berlev O.D. The Eleventh Dynasty in the Dynastic History of Egypt. *Studies Presented to Hans Jakob Polotsky*. Ed.: D.W. Young. Beacon Hill: Pirtle & Polson, 1981. Pp. 361–377.

Bierbrier M.L. Genealogies. *Oxford Handbook of Egyptology*. Eds.: I. Shaw, E. Bloxam. Oxford: Oxbow Books, 2020. Pp. 809–819.

Breasted H.J. *The Dawn of Conscience*. New York, London: Charles Scribner’s Sons, 1933.

- Cradic M.S. Embodiments of Death: The Funerary Sequence and Commemoration in the Bronze Age Levant. *Bulletin of the American Schools of Oriental Research*. 2017. No. 377. Pp. 219–248.
- Demidchik A.E. Eleventh Dynasty Written Evidence on the Relationship between the KA and the Cult Image. *Zeitschrift für Ägyptische Sprache und Altertumskunde*. 2015. Bd. 142. S. 35–42.
- Fowler Ch. Identities in Transformation: Identities, Funerary Rites and the Mortuary Process. *The Oxford Handbook of the Archaeology of Death and Burial*. L. Nilsson, S. Tarlow (eds.) Oxford: Oxford Academic, 2013. Pp. 510–226.
- Franke D. *Altägyptische Verwandtschaftsbezeichnungen im Mittleren Reich*. Hamburg: Borg, 1983.
- Gardiner A.H. *The Attitude of the Ancient Egyptians to Death & the Dead*. Cambridge: Cambridge University Press, 1935.
- Garland R. *The Greek Way of Death*. New York: Cornell University Press, 1985.
- Hannig R. *Ägyptisches Wörterbuch*. Bd. I. Mainz am Rhein: Philipp von Zabern, 2003.
- Harrington N. *Living with the Dead: Ancestor Worship and Mortuary Ritual in Ancient Egypt*. Oxford: Oxbow Books, 2012.
- Helck W. *Die Lehre des Djedefhor und die Lehre eines Vaters an seinen Sohn*. Wiesbaden: Otto Harrassowitz, 1984.
- Jánosi P. The Tombs of Officials. Houses of Eternity. *Egyptian Art in the Age of the Pyramids*. Do. Arnold, Ch. Ziegler, C. Roehrig (eds.) New York: The Metropolitan Museum of Art, 1999. Pp. 26–39.
- Living Forever: Self-Presentation in Ancient Egypt*. H. Bassir (ed.) Cairo, New York: The American University in Cairo Press, 2019.
- Malykh S.E. Ancient Egyptian Burial Rites of the Vth and VIth Dynasties: The Problem of Rationality and Symbolism. *Chronique d'Égypte*. 2018. T. XCIII. Fasc. 185. Pp. 58–76.
- Mbiti J.S. *African Religions and Philosophy*. 2nd ed. Oxford, Portsmouth: Heinemann, 1990.
- Müller F. M. *Introduction to the Science of Religion: Four Lectures Delivered at the Royal Institution, with Two Essays on False Analogies, and the Philosophy of Mythology*. London: Longmans, Green 1873.
- Osing J., Moursi M., Arnold Do., Neugebauer O., Parker R.A., Pengree D., Nur-el-Din M.A. *Denkmäler der Oase Dachla: Aus dem Nachlass von Ahmed Fakhry*. Mainz am Rhein: Philipp von Zabern, 1982.
- Parkinson R.B. *The Tale of the Eloquent Peasant*. Oxford: Griffith Institute, Ashmolean Museum, 1991.
- Posener G. *L'Enseignement loyaliste. Sagesse égyptienne du Moyen Empire*. Genève: Librairie Droz, 1976.
- Quack J.F. *Die Lehren des Ani: Ein neuägyptischer Weisheitstext in seinem kulturellen Umfeld*. Freiburg, Göttingen: Universitätsverlag, Vandenhoeck & Ruprecht, 1995.
- Sánchez Casado R. The Ka-servant. *Priestly officiants in the Old Kingdom*. R. Sánchez Casado, A.J. Morales (eds.) Alcalá de Henares: Editorial Universidad de Alcalá, 2022. Pp. 261–291.
- Scurlock J. Death and the Afterlife in Ancient Mesopotamian Thought. *Civilizations of the Ancient Near East*. Ed.: J.M. Sasson. New York: Simon and Schuster Macmillan, 1995. Pp. 1883–1893.
- Shirai Y. Ideal and reality in Old Kingdom private funerary cults. *The Old Kingdom Art and Archaeology*. M. Bárta (ed.) Prague: Czech Institute of Egyptology Faculty of Arts, Charles University in Prague, Publishing House of the Academy of Sciences of the Czech Republic, 2006. Pp. 325–334.
- Toorn K. van der. Dead That Are Slow to Depart: Evidence for Ancestor Rituals in Mesopotamia. *Remembrance of Me: Feasting with the Dead in the Ancient Middle East*. V. Rimmer Hermann, J.D. Schloen (eds.) Chicago: Oriental Institute of the University of Chicago, 2014. Pp. 81–84.
- Vandekerckhove H., Müller-Wollermann R. *Elkab VI: Die Felsinschriften des Wadi Hilâl*. Brüssel: Musées royaux et d'histoire konnkljike musea vor kunst en geschiedenis, Brepols, 2001.

ИНФОРМАЦИЯ ОБ АВТОРЕ / INFORMATION ABOUT THE AUTHOR

ДЕМИДЧИК Аркадий Евгеньевич – доктор исторических наук, профессор кафедры Древнего Востока Санкт-Петербургского государственного университета, профессор кафедры всеобщей истории Новосибирского национального исследовательского государственного университета.

Arkadiy E. DEMIDCHIK, DSc (History), Professor, Department of History of the Ancient East Countries, Saint Petersburg State University; Professor, Department of World History, Novosibirsk National Research State University.